

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

А.В. Тагильцев

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОЛОС КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

*Я долго жить должна –
я часть Руси.*

1.

Начинать разговор о творчестве Ксении Некрасовой можно как угодно, но рано или поздно он обязательно приведет к личности поэта. Не случайно фигура Некрасовой стоит особняком, почти вне литературного контекста 1930-х – 1950-х гг., а привечали ее в самый долгий, «московский» период жизни (1944–1958 гг.) не среди собратьев по ремеслу, а в основном в среде живописцев и скульпторов. Та роль, которую выбрала себе Некрасова, или та доля, которая нашла ее (а, скорее всего, и то, и другое) были настолько противоречивы и несоединимы, что парадоксально легко ужились и образовали то, что теперь называется судьбой поэта.

О каких противоречиях идет речь и так ли важны они для восприятия творчества Ксении Некрасовой? Несомненно, важны. Прежде всего, стоит отметить ореол юродивой (а современники зачастую говорили грубее и жестче), который ассоциируется с образом поэта. Александр Леонтьев хорошо начал свою статью: «О Некрасовой говорят много и противоречиво, а пишут мало и единообразно»¹. Конечно же, противоречивые мнения о поэзии Ксении Некрасовой связаны прежде всего с ее юродством, неважно, подлинным или мнимым. У читателей, знающих цену и силу поэтической мысли, возникает вполне законный вопрос – можно ли доверять такой поэзии?

Для меня очень дорого мнение одного из самых проницательных свидетелей эпохи, Н.Я. Мандельштам, которая заметила в ташкентском письме 1943 года: «Сейчас у нас в углу склублилась Оксана Некрасова – маленькая юродивая, «незаконная дочь» Гуро и Хлебникова. Она помешана на своих стихах и когтит ими всех как коршун. Иногда раскрываешь рот от удивления – что за чудо? – а то прет такое,

что хочется плакать»². Во-первых, это весьма точная оценка творчества Некрасовой, которое отнюдь не все равноценно с эстетической точки зрения, более того, именно зияет взлетами и провали, как мало у кого. Во-вторых, Н.Я. Мандельштам (кстати, равно как и Анна Ахматова, сказавшая о Некрасовой: «Она – поэт»), не только считает ее стихи – все же стихами, но и прочерчивает весьма высокую поэтическую генеалогию. Быть дочерью Хлебникова, пусть даже «незаконной» – не просто почетно, это равносильно признанию, коим обе царственные дамы, искушенные в поэзии и знающие истинную цену слову, не разбрасывались.

При этом интересно, что изначально линия юродивого отнюдь не была отчетливо проявлена в судьбе Ксении Некрасовой. Скорее, она в полном смысле была дочерью своего времени. Детство и юность (а родилась Некрасова в 1912 году) прошли на Урале, в Ирбитском районе, потом учеба в техникуме политпросвета и работа в Свердловске (по профилю – культурно-массовым работником) на строящемся тогда заводе тяжелого машиностроения им. Орджоникидзе (теперь уже известном всему миру как Уралмаш). А 1935 год – поворотный в жизни, потому что именно тогда она получает направление на учебу в недавно открывшийся Литературный институт. Начинается самый счастливый период в судьбе Некрасовой – она учится, пишет стихи и начинает печататься в периодике, у нее появляется своя семья, дом, ребенок. А дальше приходит война – а в жизни Некрасовой заканчивается счастливая полоса – эвакуация из Подмосковья, бомбежки, сходит с ума муж, умирает ребенок, начинается период скитаний и странничества, сначала в эвакуации в Средней Азии, потом в Москве и Подмосковье, полтора десятка лет странной бесприютной жизни, когда даже с единственной радостью, с родившимся еще одним сыном есть возможность видаться только по выходным, потому что мать вынуждена отдать его в детдом. И лишь, по горькой иронии судьбы, за несколько недель до смерти обретенный дом (своя комна-

¹ Леонтьев А. Искусство Ксении Некрасовой // Московский литератор. 17 сентября 2006 г. // <http://www.moslit.ru/nn/0617/6.htm>.

Александр Васильевич Тагильцев — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета

² Цит. по: Наполова О. Из биографических записей // Некрасова К. На нашем белом свете. Екатеринбург, 2002. С. 316.

та!), но порадоваться и дому, и воссоединению с сыном Некрасова уже не успевают.

Но – опять же странность – все жизненные перипетии практически не отражаются на ее поэзии. То есть, тематически, конечно же, в стихах, особенно в стихах военных лет, наблюдаются отчетливые изменения, больше места отводится проявлениям боли, горечи, даже отчаяния, но сам *строй* стихов остается неизменным два с половиной десятилетия. Стабильность ритмического рисунка и постоянство авторских интонаций в конечном счете рождают ощущение неизблемости основ поэтического мироздания, а пафос стихов Некрасовой, как ни банально, но вполне можно определить как оптимистический и жизнеутверждающий. Горе не преодолевается и даже не переживается, оно, скорее, проживается, и, как в финале стихотворения «К моим дверям спускался бурый склон горы...» – человек начинает двигаться в ритм, в такт с потоком жизни, заново открывая для себя ее радости:

О, мой возлюбленный
Из молодости нашей!
И множество земель
Мы вместе исходили,
И разные мы слышали языки,
И горе видели,
И победили горе,
И утренние радостные страны
Ложились в красках на мои листы.

Главная загадка поэта Ксении Некрасовой – ее способность оставаться самой собой – и единой, цельной – в различных ипостасях. С одной стороны – повторяюсь, вполне «дочь своего времени», из плеяды молодых советских поэтов, заботливо пестуемых новой властью в качестве «ретрансляторов» официальной идеологии для широких масс. Фактически, Некрасова принадлежала ко второй волне «комсомольских поэтов», как раз пришедших в литературу в 1930-е гг. и группировавшихся вокруг Литинститута. Она была современницей П. Когана, М. Кульчицкого, человеком их поколения, да и стихотворение, адресованное Кульчицкому, у нее имеется. Можно говорить и о том, что Некрасова вполне освоила официальную идеологию и систему ценностей, с политической точки зрения в ее стихах обычно нет крамолы (разве что ненависти к врагам маловато, даже к «черным фашистам»). Зато есть традиционный набор адресатов поэтических славословий: «Ленин», «Крупской Надежде Константиновне», стихи, утверждающие исконную гегемонию простого трудового человека, например, тот же самый «Утренний автобус».

Тем важнее, что, отчетливо ориентируясь в координатах советской действительности, Ксения Некрасова выбрала очень нелегкий путь – открывать миру самые простые истины поэти-

чески не банально (что не всегда удавалось), и при этом общедоступно. Рискую оказаться не модной, не современной, и, чем дальше трясли страну катаклизмы истории, тем больше казаться «не от мира сего», блаженной, юрковой. А ведь была это всего лишь попытка сохранить и запечатлеть в стихе наивно-детское, светлое и чистое восприятие мира. И свою поэтическую позицию Некрасова сформулировала еще в одном из первых своих больших стихотворений «Русская осень», вроде бы простенькой лирической зарисовке о том, как ходили детьми за картошкой к бабушке:

Почему смотреть не устаешь
Миг,
И час,
И жизнь
Одно и то же?

2.

В чем секрет самобытности Ксении Некрасовой, почему ее фигура выделяется на фоне других советских поэтов, занимает место не лучше и не хуже других, а и впрямь – наособицу? Прежде всего, непривычен (особенно для литературной ситуации 1930-х – 1950-х гг.) сам стих, его ритм и размер.

Исследователи, вслед за замечками К. Некрасовой, говорят (и справедливо) прежде всего о влиянии традиций народной поэзии и древнерусского стихосложения³, да и в стихах ее неоднократно подчеркивается «русскость» поэта и приверженность старине. Не доверять самому автору у нас нет оснований, но следует отметить, что образование (Литинститут) и кругозор Некрасовой все же шире сложившегося (отчасти) стереотипа не очень грамотного поэта-«самородка». Кстати, при том, что она действительно до конца жизни писала с орфографическими ошибками, синтаксис стихов практически безукоризнен, строфика – точная и четкая.

Если рассматривать поэзию Ксении Некрасовой с точки зрения метра и ритма, то необходимо обозначить основные особенности. Во-первых «фирменным знаком» ее стихов является, за редким исключением, отсутствие рифмы, а если рифма и есть, то она или очень простая (чаще всего, глагольная), или очень неточная⁴. Во-вторых, метрика тоже весьма своеобразна: весьма нечасто встречаются силлабо-тонические размеры, причем не только «правильные» ямбы, хореи и трехсложники, но также дольники. Что касается тонического стихосложения,

³ См., напр.: Быков Л.П. Поэтическая классика Урала. Ксения Некрасова // Литература Урала. Екатеринбург, 1998. С. 223.

⁴ А. Леонтьев заметил: «Давайте же не будем стыдливо замалчивать того, что Ксения Некрасова рифмует «подснежники» с «техником» (Леонтьев А. Искусство Ксении Некрасовой // Московский литератор. 17 сентября 2006 г. // <http://www.moslit.ru/nn/0617/6.htm>).

соотносящегося с народно-песенной традицией и древнерусским стихом, то и тактовик и акцентный стих – появляются у Некрасовой немалого числа. Большая часть стихов, причем ощутимо большая, написана стихами, лишенными единого размера, то есть верлибром. Получается, что чаще всего поэт выбирал форму стиха, отнюдь не характерную для народной поэзии, или даже для классической русской поэзии XIX века. Ведь в отечественном стихосложении более или менее регулярно образцы верлибра начинают появляться только в конце XIX века, а утверждение его приходится на первые десятилетия следующего, двадцатого.

Стало быть, не так уж неправы были чувявшие нечто «чужое» в творчестве К. Некрасовой советские критики и редакторы, о которых она писала: «... Меня перестали печатать, объясняя свой отказ тем, что стихи, написанные белым стихом, будут непонятны массам, что они больше относятся к буржуазным, то есть к декадентской западной литературе, а не к нашей простой действительности... Несколько лет мне ставят нелепые барьеры, и я бьюсь головой о стенку...»⁵. Фактически, интонационный строй некрасовской поэзии звучит диссонансом с бодрыми, энергичными ритмами эпохи, образно говоря, шагает «не в ногу» со временем, а постоянно спотыкается. Ну, а по печальной известной формуле классика: «Тот, кто идет не с нами...» Достаточно сравнить, как разворачивается один и тот же сюжет «Пробуждение страны» в хрестоматийных советских стихах «Песня о встречном» («Нас утро встречает прохладой...», 1932) Б. Корнилова и «Москва майская» («Утро красит нежным светом...», 1937) В. Лебедева-Кумача с «Утренним этюдом» Некрасовой.

Каждое утро
К земле приближается солнце
И, привстав на цыпочки,
Кладет лобастую обветренную
Голову на горизонт,
И смотрит на нас –
Или печально,
Или восхищенно,
Или торжественно.

Стихи Корнилова и Лебедева-Кумача будят, зовут и ведут за собой, прославляют, требуют слиться в едином потоке. Ритм и интонация некрасовских строк дают возможность прежде всего всмотреться в окружающий мир и задуматься, оставляя читателю возможность для гораздо более широкой гаммы чувств и эмоций. Эта перспектива полностью разворачивается в финале стихотворения:

<...> и возникает в пространстве
Между живущим и говорящим
И безначальная боль,
И бесконечное восхищение жизнью.

Нет свидетельств того, что Ксения Некрасова сознательно ориентировалась на изысканный строй модернистской поэзии (и зарубежной, и отечественной, Серебряного века) в противовес принятым нормам. Более того, современники пишут, что она достаточно мало прислушивалась к чужой поэзии вообще, поглощенная всецело своим творчеством. Но получается, что сам стиль поэтических размышлений К. Некрасовой не менее (если не более) близок рафинированным опытам нового времени, чем народной поэтической традиции. *Акцентирование* же внимания на своей «народности» и близости к истокам является не только искренним проявлением органичности мироощущения поэта, установлением связей с природным и человеческим бытием, но и в какой-то мере интуитивной попыткой защитить себя и свое творчество от жестких рамок официальных формулировок, звучащих в то время часто как приговор.

При всей своей народности К. Некрасова избегает копирования фольклорных образов, строки, подобные часто цитируемому восьмистишию (где поэт, кстати, великолепно управляется и с рифмой, и с размером), единичны:

Запоет гармонь,
Я взмахну платком, –
Небеса в глазах
Голубым мотком.
А народ кругом
На меня глядит.
Голова моя
Серебром блестит.

Кстати, великолепный экспрессивный образ в 3 и 4 строках «Небеса в глазах / Голубым мотком» как раз не характерен для народной поэзии, а вот финал «Голова моя / Серебром блестит», да и все восьмистишие в целом напоминают больше даже не народную песню, а ее стилизацию в духе Никитина или поэтов-«суриковцев». Самое интересное, обычно не упоминается, что эти строки не являются автономными, а завершают большое стихотворение, посвященное русской народной песне, которое так и называется «Песня». И все оно, за исключением последних восьми строк написано вполне традиционно для поэтической манеры Некрасовой:

Люди,
А люди!
Знаете ли вы
Русскую песню,
Когда сердце ее
Облегла тоска <...>

⁵ Алексеева Л. «Утреннее» лицо Ксении Некрасовой / University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies // <http://www.utoronto.ca/tsq/16/alekseeva16.shtml#top>.

Таким образом, ритмический строй и в этом стихотворении, и во многих других (в том числе таких уже хрестоматийных как «Русская осень», «Урал», «Под Москвой») соединяет «магистральную» линию, создаваемую верлибром (или тоническим стихом) со стихотворными вкраплениями, написанными по всем правилам силлабо-тоники.

Какого же художественного эффекта, таким образом, стремится достичь поэт? Какие интонации становятся доминирующими? Если обратиться к уже неоднократно упоминаемому стихотворению «Русская осень», то начинается оно как некая будничная зарисовка:

За картошкой к бабушке
Ходили мы.
Вышли, а на улице теплень...

Но далее, после разноразмерных строк начала следует ритмически упорядоченный фрагмент, скрепленный в первых двух строках еще и концевой рифмой (но только в этих двух строках!), и аллитерацией:

День, роняя лист осенний,
Обнажая линии растений,
Чистый и высокий,
Встал перед людьми.
Всякий раз
я вижу эти травы,
Ели эти
И стволы берез.

Присущие стихотворению повествовательность, неспешный ритм, неторопливая, раздумчивая интонация готовят читателя, настраивают его на то, чтобы в должной тональности воспринять состояние души лирического героя, задуматься и совершить с ним главное поэтическое открытие. Причем открытие это не составляет всех точек, а наоборот, звучит как вопрос:

Почему смотреть не устает
Миг,
И час,
И жизнь
Одно и то же?

Переход от размера к размеру совершается плавно, не воспринимается как ритмический сбой и в то же время позволяет акцентировать внимание на самых важных моментах, связанных с поэтическим переживанием, отделять один этап развития чувств и мыслей героя от другого.

В финальной части стихотворения ритм опять меняется, фактически опять переходя к верлибру, но благодаря сохранению ощущения задумчивости и неспешности, смешанного с потрясением от сделанного открытия, концовка звучит не пафосно и, тем более, напыщенно, а вполне естественно и закономерно:

О! Какие тайны исцеленья
В себе скрывают русские поляны <...>
И примешь смерть,
И вновь восстанешь,
Чтоб запечатлеть
Тропинки эти,
И леса,
И наше небо.

Л.П. Быков точно заметил, что творчеству Некрасовой свойственно «редкостное ощущение единства и полноты жизни», и «чудо жизни, ее “огромная красота” открываются поэту во всех проявлениях»⁶. Действительно – тема красоты становится одним из главных предметов разговора о поэзии К. Некрасовой, ведь категория красоты – центральная категория в ее творчестве. И когда поэт чувствует ее приближение, возникает чувство, что Некрасова вся отдается потоку ощущений, стремясь зафиксировать, запечатлеть все максимально точно.

И ели недвижны,
И небо недвижно,
И снег на деревьях
Лежит неподвижно.
И только змеится
Заснеженный воздух
Струньем снежинок
С высот на подножье.

Стихотворение написано – а такое ощущение, что прошептано – на одном дыхании, чтобы не спугнуть зимнее чудо, не разрушить сказку. Ритм предстает великолепным кружевом, все строчки пронизаны аллитерацией, и хотя концевых рифм в стихотворении, строго говоря, нет, концовки строк созвучны благодаря той же аллитерации, и тихонько позванивают, как обледенелые ветви в безмолвном лесу. Поэт не хочет замедлять темп, давать читателю время на раздумье, и все элементы стиховой формы подчинены этой задаче.

Конечно же, и в этом, и в других текстах Ксении Некрасовой, кроме ритмообразующих элементов, огромную роль играет собственно поэтическая речь, великолепная образность, весьма непростыми оказываются и взаимоотношения лирического субъекта и мира, любопытны жанровые предпочтения. Но эти аспекты поэзии К. Некрасовой требуют отдельного и обстоятельного разговора.

⁶ Быков Л.П. Поэтическая классика Урала. Ксения Некрасова. С. 224.